

«Анархисты подполья»

Сергей Быковский

«И если мы, анархисты подполья, развиваем свою революционную борьбу, то это не значит, что мы стремимся к власти; мы лишь одного желаем: это чтобы угнетённые перестали быть толпой, а мы её лакеями. Мы желаем своей и свободы других».

«...Понять это мрачное дело нелегко. Для романиста оно было бы кладом, - какой роман мог бы написать о нём Достоевский!»

М. Алданов.

В мае — начале июня 1919 года председатель Реввоенсовета Л. Троцкий прибыл на Украину организовывать антиденикинский фронт. С этой целью он взялся «железной метлой» уничтожать доморощенное повстанчество в рядах РККА. Как только представился повод, Троцкий, не учитывая реально сложившуюся на фронте ситуацию, издал приказ о борьбе с махновщиной, а затем объявил Махно «вне закона» из-за неподчинения командованию РККА.

31 мая 1919 г. Гуляй-Польский исполком Военно-революционного совета выпустил «Объявление о созыве четвёртого экстренного съезда крестьянских, рабочих и повстанческих делегатов». Съезд созывался на 15 июня 1919 г. (по новому стилю), предполагался быть весьма представительным, его целью должно было быть определение задач и практических мероприятий в связи с наступлением войск Деникина и беспомощностью «советской власти предпринять что-либо для предотвращения этой опасности».

В приказе №1824 от 4 июня 1919 г. Троцкий объявил намечавшийся съезд направленным против Советской власти, запретил созыв съезда и велел делегатов на съезд предавать реввоен трибуналу 14-ой украинской армии.

При этом, с 7 июня Махно находился в одном бронепоезде с Межлауком и Ворошиловым на станции Гяйчур (в 20 вёрстах от Гуляй-Поля), совместно руководя

военными действиями. В то же самое время, как писал П. Аршинов, «в руках у Ворошилова был приказ Троцкого схватить Махно, всех ответственных руководителей махновщины, разоружить повстанческие части, сопротивляющихся расстрелять». Махно, почуяв недоброе, вовремя покинул плохую компанию. Одновременно с этим некоторые работники махновского штаба были изменчески схвачены. Чекист Лацис говорил, что около 4-х командующих из штаба Махно попали тогда «в руки нашей армии и были доставлены в штаб, руководимый лично мною...все они были расстреляны».

17 июня 1919 г. в Харькове большевики расстреляли семерых ответственных деятелей махновской армии — Костина, Полунина, Добролюбова, Михалёва-Павленко, Бурбыгу, Олейника, Коробко и начштаба левого эсера Озерова. Последний был прислан в числе других комиссаров большевиками к Махно (для контроля и влияния). Сказалось ли на судьбе Н. Озерова то, что он был левым эсером? Весьма возможно. По данным историка Я. Леонтьева, расстрелянные Костин, Полунин и Добролюбов были тоже левыми эсерами.¹

Расстрел махновцев спровоцировал образование некоей боевой группы, состоящей, в основном, из анархистов, воевавших у Махно, при этом обладавших достаточной мобильностью, чтобы осуществить против большевиков террористические действия, которые были бы, во-первых, актом мести за их погибших товарищей, а во-вторых, могли бы толкнуть народ к борьбе за анархию. Образовавшаяся группа поименовала себя Всероссийской Организацией Анархистов Подполья [далее для краткости — ВОАП].²

По большому счёту, причины появления ВОАП кроются в противостоянии радикального (если угодно — последовательного) анархизма большевистскому режиму.

Конфедерация Анархистских Организаций Украины «Набат» была в 1918 — 1919 гг. одной из организаций, которая пошла наперекор большевизму. КАОУ «Набат», как известно, была тесно связана с Махно. Можно говорить, таким образом, и о связи (по крайней мере, идейной) «анархистов подполья» с «Набатом».³ Связь такая прослеживается во многом.

1. «Набат», образовавшийся осенью 1918 г., исповедовал концепцию «единого анархизма», то есть некоторого замеса анархо-коммунизма и анархо-синдикализма. «Анархисты подполья», судя по их программе (о ней чуть ниже), — тоже.
2. «Набат» пропагандировал идею «третьей революции» — анархической, «подлинно-коммунистической», вслед за буржуазной и «социалистической» (октябрьской). Вот что гласила «Резолюция по текущему моменту» первого съезда «Набата» 2 — 7-го апреля 1919 г., проходившего в г. Елисаветграде:

¹ Политические партии России...Энциклопедия. М.,1996. С. 422-423.

² Она же — Всероссийский Повстанческий Комитет Революционных партизан.

³ Там же, с. 349-350. Хотя исследователь В. Голованов и утверждает, что среди «анархистов подполья» было «несколько человек, непосредственно связанных с «Набатом»» (См.: Голованов В. Тачанки с Юга. М.-Запорожье, 1997. С. 242.), по нашему мнению, организационной связи с «Набатом» у «анархистов подполья», видимо, не было.

«1) Наступает давно предвиденный анархистами момент, когда масса населения, не удовлетворённая в своих желаниях и разочарованная в последней, «социалистической» власти, готова вступить с этой властью в решительную борьбу;

2) Признавая возможность, на этой почве, временного успеха контрреволюционного движения, временных откатов назад, временного торжества реакции, — Съезд, тем не менее, полагает, что как общее устремление масс к революционным выходам из тупика, так и развитие революционного движения за границей, — а равно и другие вышеупомянутые причины, — не дадут реакции возможности опереться на твёрдый фундамент и, в конце концов, неизбежно вызовут новое поступательное движение революции, вплоть до конечной победы...».⁴ ВОАП была создана с тем, чтобы своей деятельностью толкнуть народ к третьей революции.

3. У «Набата» и «анархистов подполья» было ощущение возможности скорого падения «социалистической власти». С одной стороны, это ощущение было основано на наблюдении за реально происходящим в 1919 г. широким размахом повстанческого движения по стране. С другой стороны, это ощущение подкреплялось, в какой-то степени, теоретическим обоснованием: революция должна в принципе уничтожить всякую власть, хоть бы она называла себя революционной. «Анархисты подполья» были уверены, что бунтующая масса перейдёт через голову большевиков: «В течение двух лет революция шла на убыль, но по мере контрреволюционирования верхов, как это всегда бывает, массы вновь революционируются...»

4. В резолюции «О нашей организации и её деятельности» того же, апрельского 1919 г., съезда «Набат» пугал бэков:

«г) Съезд считает [нужным] открыто предупредить и заявить: что дальнейшее продолжение и нарастание гонений на анархистское движение, что дальнейшее применение, со стороны властей, организованного или неорганизованного насилия по отношению к анархическим организациям, органам и работникам; что, в особенности, вынужденный уход анархистов а подполье, — неизбежно вызовут ответ насилем же со стороны анархистов, в виде активных выступлений против членов и агентов правительства.» И, таки, вызвали!

Вот как мотивировали члены ВОАП свой уход в подполье:

⁴ Анархисты. Документы и материалы..., т.2, М., 1999, с. 338. «Анархисты подполья» однозначно считали большевиков врагами. Они понимали, что их антибольшевистская деятельность идёт во благо Деникину. Но они были уверены, что только после падения власти большевистских «чрезвычайек» борьба с белыми будет легче и успешней, так как «белая реакция», по их представлениям, получает поддержку, как это не парадоксально для нас звучит, благодаря «красной реакции». Такая концепция разнила «анархистов подполья» с Махно, который в борьбе с красными и белыми предпочитал всё-таки бить последних. Поэтому, в частности, нельзя утверждать, что «анархисты подполья» были прямыми агентами махновского штаба, как это делали советские историки. Например: Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма... С. 336.

«Первая причина та, что Совет Народных /обманщиков/ Комиссаров, многое наобещав и всё к рукам прибрав, при поддержке и «волею» партии коммунистов, три четвёртых которой, — как и Совнарком, сохраняя своё «комиссарское» благополучие, путём найма за деньги, пайки и партийные «коммунистические» привилегии необходимого количества охранников и палачей /Московская Чрезвычайка содержит более 22000 агентов/ — этот Совет Народных Комиков, огородившись кремлёвскими стенами...стёр с большевистских знамён октябрьские лозунги и разогнал Советы и прочие рабочие организации. Отняв у рабочих все октябрьские завоевания, Совнарком пошёл войной на непокорную деревню.

Вторая причина ухода в подполье та, что Троцкий и Компания, загорлавив, как кликуша о «крови и железе», предал на растерзание чрезвычайной сволочи самоотверженных революционеров, взамен же революционной военной силы создал штаб наёмников генералов и полковников, воскресив Романовскую Мясоедовщину и Сухомлиновщину...

И перестал народ верить «военспецам» а потом и «Троцкистам», — ушёл он из армии. Недоверие рабочих и крестьян к штабам Троцкого прокатилось негодующей волной восстаний, жестоко подавленных коммунистическими жандармами.

Третья причина та, что весь режим Совнаркома держится на купле и продаже.

«Комиссар и взятка!» — вот лозунг Совнаркомовской братии.

За взятку расстреляют, за взятку арестуют, за взятку освободят, за взятку и чин коммуниста дадут.

Мудрый Совнарком взяв всё в свои руки /национализировал/, всё передал своим агентам, а весь народ в наймита своего превратил.

Комиссары, Горпродкомы и пр. и пр. торгуют...на Сухаревке. Всё есть только для комиссаров — цены комиссарские...

Комиссары не отдали ни промышленность, ни торговлю в руки общества — всё себе взяли, ну и подавились.

Трудовой народ стал правду матку резать совнаркому в глаза, тот его в штыки.

Окровавленные и до конца обманутые крестьянство и рабочие вступили в борьбу с комиссарами и ушли в подполье, а за ними и остальные.

Вот причины загнавшие угнетённых в подполье.»⁵

«Анархисты подполья» собралась мстить большевикам не только за их расстрелянных товарищей, но «за десятки тысяч расстрелянных крестьян, рабочих и трудовой

⁵ Хочется и дальше цитировать этот крик души, но пусть интересующийся читатель сам заглянет в сборник В.В. Кривенького «Анархисты. Документы и материалы» (М., 1999, т. 2). Вообще, на наш взгляд, листовочное творчество анархистов, в особенности рядовых, достойно отдельного историко-

интеллигенции, за предательство повстанцев-махновцев Украины, за расстрел и аресты анархистов, за разгром федераций и групп во всех городах и деревнях, за закрытие всех газет и журналов».

Против чего боролись повстанцы, наверное, всем более-менее ясно. А вот за что боролись анархисты-подпольщики? Как они себе представляли обозримое будущее? Программа революционного строительства у ВОАП носит довольно общий характер.⁶ Вот её главные постулаты.

Во-первых, разумеется, отрицание всякой власти, любого государства, любых политических партий и политической борьбы вообще.

Во-вторых, отрицательное отношение к Советам, находящимся под полным контролем большевиков, отрицание Совнаркома, так как тот ничем не отличается от Совета министров, немыслимого без существования карательных органов (ЧК). Совнарком вырос из системы политических Советов, поэтому они вообще отрицали «советы, как политическую форму общества». В традициях синдикализма «анархисты подполья» предлагали перенести «центр тяжести борьбы за хлеб и волю из области политической в экономическую». Они считали, что при колоссальном развале производства [какой имел место быть в 1919 г.] переход к децентрализации и безвластию неизбежен.

Труд должен федерироваться по производствам. Автономные организации какой-либо отрасли должны объединиться в федерацию, к ней при этом примыкают и те предприятия, 60% труда которых связано с федерирующей отраслью промышленности. Создаётся интегральное хозяйственное объединение — федерация — снизу вверх на основе самоуправляющихся организаций. Каждая из федераций имеет фонд, которым они обмениваются между собой, «произвольно устанавливая у себя как оплату за труд, так и все остальные потребности, уничтожая государственное вмешательство...». Федерации объединяются в Конфедерацию, «объединяющий орган которой никакой властью не пользуется». Все комиссариаты Советской власти таким образом упраздняются.

Так же упраздняется полиция, как институт насилия: охрану организуют домовые комитеты. Упраздняется обязательная воинская повинность, а регулярная армия (РККА) заменяется повстанчеством с выборным руководством (каждая федерация организует и снабжает повстанчество).

«Созидательная часть» требований «анархистов подполья» сводилась к общим чертам синдикального анархизма: децентрализация промышленности, земля — крестьянам, синдикализация общества, тот есть образование федераций производителей и др. «Это не Анархия — писали авторы программы, — анархическое общество вырастает непосредственно из этого общества».

В «Декларации Анархистов Подполья» говорится, что 1-я мировая война привела европейские страны к обобществлению, ограничению прав частной собственности и перехода части прав над производством к общественным органам. На этот процесс обращал внимание и П.А. Кропоткин в «Письмах о текущих событиях». Он, как и «анархисты подполья», усматривал в процессе обобществления ростки социа-

филологического исследования.

⁶ Содержится в листовках и газетах, ими выпущенных.

лизма, видел в нём школу самоуправления [хотя скорее всего, в этом нужно было усматривать процесс огосударствления капитализма — авт.]. Далее — революция в России, октябрьский переворот, в котором большевики, «кричавшие об...высших заветах человечества, возмущавшие рабочих против смертной казни, эксплуатации и войны...» воспользовались «доверием рабочих, захватили всю власть в свои руки, насадили чрезвычайек...отняли у трудящихся все их завоевания...и...задавили...всякую свободу...». Выход — возврат к идеалам Октября, «всё для всех на равных правах», отношения, построенные на свободном договоре, безвластные Советы и органы самоуправления производством, объединение федераций во Всероссийскую конфедерацию труда.

Один из арестованных «подпольных» анархистов — М. Тямин, — который сам примкнул к ВОАП по приезду с Украины в Москву летом 1919 г., показывал: «Начало этой организации положил...некто Бжостек, выпустив первую листовку к 1-му мая. Потом недостаток средств и людей заставил на время прекратить работу, уехать на Украину...».⁷ В Харькове Бжостек искал людей для «взятия» в Москве в каком-то учреждении сорока миллионов рублей, но, не найдя их, уехал в Гуляй-Поле к Марии Никифоровой.⁸

Непосредственными основателями и лидерами ВОАП были Казимир Ковалевич и Пётр Соболев.⁹ Ковалевич был анархо — коммунистом, в 1918 г. — одним из секретарей Московской федерации анархических групп. Со слов того же Тямина, Ковалевич поехал вслед за Бжостеком на Украину, с тем чтобы разыскать последнего, доехал до Харькова, Бжостека там не нашёл, но дальше не поехал. О Соболеве известно то, что он находился в Повстанческой армии Махно (или, по крайней мере, в районе её действия).

После расстрела повстанцев 17.06.1919 и отстранения Н. Махно от должности комбрига РККА, «части анархистов [очевидно, махновцы — авт.] приехали в Харьков, где в это время был уже и Ковалевич, который приехал в поисках Бжостека»¹⁰ и где был произведён злополучный расстрел. Здесь, по сути, и родилась организация. Сначала анархисты решили отомстить тем, кто непосредственно выносил приговор, но потом «страсти остыли и решено было начать бить по центру, то есть Москве...».¹¹ «Этот план поддержал Ковалевич, который давно мечтал о поднятии массового движения

⁷ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 360.

⁸ Анархистка М.Г. Никифорова («Маруся») весной 1919 г. занималась организацией в Гуляй-Поле школ и детских садов. В конце мая — начале июня, когда произошёл разрыв Махно с большевиками, Никифорова покинула Гуляй-Поле. Подлинные мотивы её отъезда ясны не до конца. Не ясна пока (по крайней мере, для нас) и роль Никифоровой в деятельности «анархистов подполья», использовавших её московскую квартиру №58 в доме 30 на Арбате. Этот адрес Тямин получил от Бжостека, будучи в Харькове.

⁹ По мнению некоторых историков, «непосредственное отношение к возникновению организации «анархистов подполья» имел анархист-индивидуалист, бывший член Петроградского ВРК Генрих Маркович Богацкий (См.: Леонтьев Я. Пасынок революции.//«Родина», 1997, № 1, с. 61-62).

¹⁰ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 362.

¹¹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 362.

рабочих против комиссаров за октябрьские завоевания, безвластные советы и конфедерацию труда. На этом плане они и столкнулись, начался подбор людей; к этому времени приехал Соболев, который, также согласившись с этим планом, предложил для работы группу латышей приблизительно 18 человек, потом было подобрано человек 6-7 русских, но средств не было, и вот через Соболева были взяты у одной группы средства в размере 300.000 рублей». ¹² [возможно, деньги «пришли» прямо или опосредованно от Махно — авт.]

«В июне месяце сего года [1919г.], — показывал на следствии тот же Тямин, — проезжая мимо Тулы из Бердянска в Москву, три товарища — Николай Бельцев, Григорий Кремер и Андрей Португалец ...сказали, что все парни съезжаются туда, что там предполагается поставить организацию анархистов и что работы будет много...». ¹³

В Москву К. Ковалевич и П. Соболев приехали порознь, кроме них прибыла группа около 20 человек, в числе которых было 12 (18?) латышей. В Сокольниках состоялось собрание, на котором решались организационный и финансовый вопросы. По поводу первого решено было «ставить организации» в провинции. Вследствие этого: Яша Краснокутский поехал на Урал и в Сибирь, Саша Шапиро и Марк [Мрачный ?] — в Уфу [там же к октябрю — ноябрю 1919 г. оказались анархисты Леманев, Курбатов, Иван Баташёв, Анна Лунина и эсер-максималист Беляев], Курбатов — в Самару, Марков — в Брянск. ¹⁴ Решением финансового вопроса стало проведение ряда экспроприаций.

Всероссийская Организация Анархистов Подполья представляла собой довольно аморфную структуру. Численность её, как отмечается в исторической литературе, составляла, примерно, 20 — 30 человек. Для «всероссийской», конечно, маловато, но фиксированного членства не было (что в традициях российского анархизма), некоторые люди привлекались к делам организации лишь на время (левые эсеры, максималисты и пр.).

Структура Московской организации анархистов подполья была следующей:

1) литературная группа: Казимир Ковалевич и Марков [уехавший в Брянск и не фигурирующий в «Красной книге ВЧК» в числе арестованных];

2) боевая группа: Пётр Соболев, Михаил Гречаников, Александр Барановский, Пётр Шестеркин и др.;

3) типография: Хиля Цинципер, «Митя из Брянска» [Хорьков?] и Паша «из Союза молодёжи» [Исаев?]. Изготовлением «адских машин» занимался Василий Азов (Азаров).

Кроме названных лиц в московскую организацию также входили: Яков Глазгон, Захар (Хромой), девушка Мина, Таня Дедикова, Александр Петрович Домбровский,

¹² Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 362.

¹³ Там же, с. 366. Хочется добавить: «До майских, поди, не управимся...» — как с сожалением говорил чекист из фильма «Зелёный фургон». (идейный враг, в общем-то)

¹⁴ Любопытно, что в числе присутствовавших на собрании в Сокольниках был Лев Чёрный, который, по словам Тямина, в организацию «анархистов подполья» не входил и отрицательно относился к её методам, вступая в резкие споры с К. Ковалевичем (См.: Там же, с. 349.). В 1921 г. Лев Чёрный был расстрелян ЧК за участие в экспроприации и изготовление фальшивых денег вместе с некоторыми другими московскими анархистами (дело о деньгах, как выяснилось, было сфабриковано чекистами). Если в 1921 г. Л. Чёрный и вёл подпольную работу, то причислять его к «недобитым» членам ВОАП не стоит.

Александр Гаврилович Восходов, Леонтий Васильевич Хлебныйский (он же — Иван Лукьянович Приходько, «Дядя Ваня», «Ваня», «Батяка»), Ф.(Н.) Николаев.

Судя по показаниям максималиста А. Розанова, «вторым» человеком в организации, после П. Соболева, был Яша Глагзон. Известно, что Глагзон и Цинципер входили в первый состав махновской контрразведки. У Махно также воевал и М. Гречаников, прибывший из Украины в Москву, по его словам, в середине сентября 1919 г. (по словам Розанова — в июне — июле). А. Барановский, согласно его показаниям, тоже воевал на Украине, но только в партизанском отряде Мокроусова в Бердянске. Себя анархистом Барановский на допросе не признал. А. Розанов говорил, что Барановский приехал с двумя анархистами от Махно в августе в Тулу, где познакомился с Я. Глагзоном. Павел Ефимович Исаев, как следует из его показаний МЧК, приехал в Москву из Вятки, был арестован в конце июня 1919 г. на съезде анархической молодёжи, просидел месяц в Бутырках. Потом работал в типографии Атабекяна на Мытной улице. С «анархистами подполья» начал работать в середине октября. Левый эсер Ф.(Н.) Николаев в апреле 1919 г. вместе с левыми эсерами Семиколенным и Сандуровым совершил экспроприацию в Петербурге, в организации «Техпомощь». В мае Николаев приехал из Петрограда в Москву, вошёл в ВОАП, видимо, после совместной с анархистами экспроприации в Туле в июне 1919 г. Александр Петрович Домбровский, как это ни парадоксально, утверждал на допросе, что он член РКП(б), имел при себе удостоверение Мелитопольского комитета. В Москву он попал 5 или 6 октября. Александр Гаврилович Восходов оказался в Москве 4 сентября. Л.В. Хлебныйский попал в Москву в сентябре. На допросе признавал себя старым анархистом. Показательно, что он и М. Тямин находились какое-то время в Брянске, где были подвергнуты аресту, видимо, «за антисоветскую деятельность».¹⁵ Этот факт важен для сопоставления его с другим: «анархисты подполья» массу оружия и взрывчатки привезли в Москву именно из Брянска.

В Москве у «анархистов подполья» было около 10 конспиративных квартир. Одной из главных была квартира №58 в доме №30 по Арбату, принадлежавшая, напомним, ранее М. Никифоровой. Они обосновались и в ближайшем Подмосковье: например, Н. Николаев жил в Тестовском посёлке, на даче в Одинцово был склад взрывчатки, а главная база была на даче в Красково, по Казанской железной дороге, там находился склад оружия, взрывчатки и типография. В Москве анархисты также арендовали кофейню, которая располагалась «около памятника Гоголя»,¹⁶ возле Арбатской площади.

Анархисты, как мы уже упоминали, действовали в тесном контакте с теми левыми эсерами и эсерами-максималистами, которые к тому времени также встали на путь вооружённой оппозиции режиму Ленина. Между ними происходило сближение идеологических позиций, сделавшее возможным объединение организационное.

Согласно показаниям левого эсера и члена ВОАП Н. Николаева, к осени 1919 г. ПЛСР разделилась на три группы: правое крыло (Штейнберг и др.), центр, который

¹⁵ Тямин, по его словам, был арестован «как живший в федерации» анархистов и просидел в тюрьме 2 месяца. Очевидно, оба анархиста были каким-то образом задействованы в Брянском мятеже, только неясно в каком. Один мятеж в Брянске был организован анархистами ещё в сентябре 1918 г. Другое Брянское восстание было организовано левыми эсерами и меньшевиками 12-15 марта 1919 г.

¹⁶ Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1989. С. 368.

возглавлялся Спиридоновой и Камковым и левое крыло, к которому принадлежала Московская организация во главе с Тамарой Азарьянц, Крушинским и Д. Черепановым.¹⁷

Позиция «активистской» Московской организации ПЛСР представлена в письме, конфискованном при аресте у одного из членов этой организации: «Приходится констатировать факт, что ЦК соглашателей [ЦК ПЛСР — авт.] в пресловутое мирбаховское время теперь превратился частью в мнимых активистов, частью в людей, по ночам уже видящих сны, где они фигурируют с министерскими портфелями. Теперешний состав ЦК: Камков, Карелин, Штейнберг, Трутовский и Маруся [Спиридонова — авт.] да Самохвалов. Из них большинство соглашателей, и лишь Самохвалов, вероятно, будет с нами. Маруся занимает позицию среднюю — активность на словах». По мнению автора письма, главной задачей у лидеров московской группы Черепанова и Крушинского было: «По всей России организовать... Повстанческий штаб революционных партизан из нас и анархистов (настоящих), где они есть, и действовать от их имени... Сейчас для масс ясны два имени: большевики и Деникин. Надо популяризировать третье — Повстанческий штаб, за этой третьей силой, революционной силой, будут все...».¹⁸

Программные установки строительства нового общества «анархистов подполья» оказались очень близки взглядам лидера московских левых эсеров Доната Черепанова. Его политическое кредо в 1919 г. было, по сути, также анархо-синдикалистским. Он предлагал передать всю власть профессиональным союзам, которые «путём товарищеской дисциплины» сумеют поднять производительность труда до необходимой степени. При этом он признавал «в момент гражданской войны и такой колоссальной разрухи... некоторую видимость принуждения труда». По его мнению, профсоюзы могли бы сами мобилизовать достаточное количество людей, необходимых для обороны страны и защиты революции, в профсоюзах достаточно силы — путём исключения из числа членов — заставить повиноваться, вместе с тем «будут избегнуты ошибки сплошной мобилизации». Те или другие объединения профессиональных союзов явятся органами власти, а Всероссийский союз профсоюзов — верховным органом власти. Черепанов полагал, что классовое самосознание и «руководство высших органов» [ай-ай-ай! — заметит анархист] всегда смогут, скорее, чем «большевистское насилие», революционизировать массы консервативно настроенных рабочих.¹⁹

Пленённые «подпольные» анархисты указывали на тесную связь своей организации (через Казимира Ковалевича) с левыми эсерами Черепановым, Крушинским, а также членами ЦК ПЛСР Павлом Шишко и Семиколённым (Аршинным).²⁰

Кроме противодействия большевикам, радикальных членов Союза социалистов-революционеров максималистов и «анархистов подполья» объединял общий тактический принцип: подъём массового революционного движения с помощью активной террористической деятельности. Этот принцип ССРМ (да и ПЛСР) исповедовал ещё в годы первой революции.

¹⁷ Красная книга ВЧК, т.1. М.,1989. С. 384.

¹⁸ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР...М.,1975. С. 339.

¹⁹ Красная книга ВЧК, т.1. М.,1989. С. 399-400.

²⁰ Красная книга ВЧК. М.,1989. С. 367.

Кроме этого, организации максималистов и анархистов были близки по характеру в принципе. Признанный глава и руководитель ЦК максималистов времён первой русской революции, 25-летний М.И. Соколов («Медведь») был наделён, судя по воспоминаниям, «полномочиями диктатора».²¹ Как тут не вспомнить, что один из лидеров ВОАП, П. Соболев, тоже был наделён «диктаторскими полномочиями», если верить кое-кому из пленённых подпольщиков.²² Видимо, сама сущность подпольной террористической организации предполагает наличие такого сильного лидера.

Просится ещё одно сравнение, выявляющее характерную черту: у М. Соколова было, как утверждали его сподвижники, «преступно-лёгкое» отношение «и к собственной, и к чужим жизням».²³ Нам кажется, что Соболев, Ковалевич и некоторые другие подпольщики к 1919 г. существовали по принципу «сегодня ты живой, а завтра тебя нету». На это обращает внимание В. Голованов: ««Анархисты подполья» были романтиками... но это был тот чудовищный, бесплодный, презрительный к человеческой жизни романтизм обречённых, — и, более того, зачарованных своей скорой смертью людей...».²⁴ Пренебрежение к собственной жизни и готовность пожертвовать ей в любой момент — свойство многих профессиональных революционеров-террористов. В письме-раскаянии арестованного «подпольщика» А. Домбровского говорилось: «Уже давно я убедился, что моя жизнь должна быть отдана за революцию, что я должен умереть во имя рабоче-крестьянской власти, и это меня не страшит. Я чувствую, как хорошо умереть, зная за что — умереть сознательно».²⁵ М. Тямин говорил, что К. Ковалевич, П. Соболев, В. Азаров и другие были «наивные дети, готовые для революции отдать свои жизни...»²⁶

Состоявшаяся в сентябре 1919 г. 6-я Всероссийская конференция максималистов (оказавшаяся последней) постановила «вести всеми средствами и под любым флагом» борьбу против большевистской власти и санкционировала создание «боевых групп» для проведения экспроприаций и выпуска листовок. С призывом ответить на политику большевиков «стачкой, восстанием, террором политическим, экономическим и аграрным» выступил один из лидеров эсеров-максималистов Г. Нестроев. Однако необходимо подчеркнуть, что в связи с анархистами вступила со стороны максималистов инициативная группа. Руководство Союза максималистов, как отмечает исследователь А.Ф. Жуков, к этой связи было непричастно.²⁷ В среде ССРМ, также как и в ПЛСР, шёл раскол по линии отношения к большевистскому режиму.

Известно, что П. Соболев, ещё находясь на Украине, был знаком с эсерами-максималистами Сундуковым и Петраковым. По словам арестованного эсера-максималиста А. Розанова, Сундуков был хорошим организатором, «организовал здесь [очевидно, в Москве — авт.] боевую дружину максималистов человек в 50,

²¹ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 51.

²² Красная книга ВЧК, т. 1. М., 1989. С. 374.

²³ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 51.

²⁴ Голованов В. Тачанки с Юга. М.-Запорожье, 1997. С. 120-121.

²⁵ Красная книга ВЧК, т. 1, М., 1989. С. 393.

²⁶ Красная книга ВЧК, т. 1, М., 1989. С. 360.

²⁷ Жуков А.Ф. Советские историки о крахе эсеров-максималистов. // Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. М., 1982. С. 84.

состав дружины разношёрстный, в большинстве дезертиры²⁸, собрались ехать на Украину для партизанской борьбы. Участвовали в эксгах, например, в Туле на Патронном заводе...»

В июне-июле 1919 г. (в документах и исследованиях значатся разные даты) анархисты совместно с левыми эсерами совершили экспроприацию рабочего кооператива (варианты: «Объединение кооперативов», «Союз кооперативов»), в Туле (предположительно, на Старо-Павшинской улице). Согласно показаниям Ф. Николаева, приблизительно в июне, когда в ПЛСР остро ощущался недостаток в деньгах, в ЦК приехал Илья Судаков из Тулы и предложил организовать у них экспроприацию рабочкопа. Тогда ЦК были делегированы из Москвы шесть членов организации для этой цели: собственно Николаев, Сомов, Семиколенный, Иванов, Фрося «Питерская» и Таня. По приезде в Тулу они направились к левому эсеру Чеботарёву, у которого и был выработан план экспроприации. В разработке и осуществлении плана приняли участие около 15 человек, в том числе: анархисты А. Розанов, Дм. Леменев, Карасев, П. Соболев, Я. Глагзон, М. Гречаников и П. Шестеркин, местные левые эсеры Костромин, Василий Харитонов, некие Николай и Сидоров. Наводчиком был член правления рабочкопа Порфирий Антонов. «Взято» было 1.075.000 рублей. Деньги были пропорционально количеству участников разделены между анархистами и левыми эсерами.

12 августа в Москве в 9-ом отделении Народного банка на Долгоруковской улице «анархистами подполья» было похищено 52.504 рубля.

18 августа из другого отделения того же Народного банка, на Большой Дмитровке, было похищено 603.197 рублей. М. Тямин называет этот экс третьим по счёту у «анархистов подполья», после которого группа латышей уехала в Латвию: «ставить организацию» там.

29 августа [по другим данным — 1 сентября] был ограблен Патронный завод в Туле. Удалось похитить 3.480.000 рублей. На этот раз экс был произведён в тандеме с эсерами-максималистами Прохоровым, Максимом Петраковым и Беляевым, которые получили 400.000 р. Со стороны анархистов принимали участие Л. Хлебныйский («Дядя Ваня»), А. Барановский и Я. Глагзон.

Кроме вышеперечисленных был экс в Иваново-Вознесенске, которым руководил Хиля Цинципер. С ним были двое местных. Похитили более 1.000.000 рублей.

Экспроприации «анархистов подполья» послужили поводом к тому, что чекист П. Макинциан²⁹ назвал их уголовниками. Позволим себе заметить, что в бывшем Музее революции на Тверской до сих пор висит картина, живописующая ограбление сподвижниками Сталина тифлисской почтовой кареты.

²⁸ «Согласно данным ЧК, с лета 1918 г. по лето 1919 г. 576 тысяч человек дезертировало из рядов Красной армии». (См.: Политическая история. Россия — СССР — Российская федерация, т.2. М., 1996. С. 82.) Вспомним, что «анархисты подполья» писали об уходе «народа» из «армии Троцкого».

²⁹ Редактор «Красной книги ВЧК», вышедшей впервые в 1920 г. Из неё нами почерпнута большая часть материалов об «анархистах подполья».

После революции большевики винили анархистов в том, что те грабят банки нового, рабоче-крестьянского государства, но анархисты были уверены, что это новое государство не лучше прежнего.

В анархической среде отношение к экспроприации было различным. П.А. Кропоткин, например, признавал экспроприацию только в крупном масштабе, т. е. когда в процессе революции экспроприруется целый класс — буржуазия, а к мелкому воровству относился отрицательно. В годы первой русской революции анархист Новомирский (Кирилловский) предлагал вообще расстреливать анархистов за воровство. Анархо-синдикалист Г.П. Максимов (которого, кстати, «анархисты подполья» причисляли к «анархо-большевикам») писал уже в эмиграции, что частная экспроприация — «это страшное зло».³⁰ В практике российского анархизма грань между обыкновенным грабежом и тем, что называется громким словом «экспроприация» была тонка.

Подпольщики запросто заявляли, оппонируя советской прессе: ««Анархисты, у них миллионные суммы, несомненно, на средства белогвардейцев» и пр. Какая грязная ложь! Анархисты умеют сами брать, если это понадобится. Средства, на которые мы здесь работаем, отняты — экспропрированы в так наз.[ываемом] Народном банке на Большой Дмитровке».

Безусловно, краденные деньги шли не только на изготовление прокламаций, но и на бытовые нужды, а среди экспроприаторов, наверняка, имелись обыкновенные ворюги. Но были и другие. Пётр Соболев, имея на руках большую сумму денег, пошёл как-то раз, по словам Тямина, на Сухаревский рынок [туда, где «комиссары торговали» — авт.] покупать себе штаны и...не купил — совесть не позволила тратить 1000 рублей на штаны [цены-то «комиссарские»! — авт.]. Так и погиб в старых штанах.³¹

Экс Патронного завода позволил анархистам «работать» с большим размахом: была снята дача в Красково, стал пополняться арсенал, приобретена типография, налажен выпуск листовок. В августе 1919 г. «анархистами подполья» были сделаны листовки «Правда о махновщине» тиражом в 10.000 экземпляров и «Где выход? (Выпуск 3-й)» тиражом 10-15.000 экземпляров (и — для сведения — стоимостью 12.000 рублей). Листовки разбрасывались анархистами по улицам, а также распространялись среди рабочих. Однако пропагандой словом «анархисты подполья» ограничивать себя не хотели.

Сначала анархисты хотели бить по ВЧК.

Складывается впечатление, что ВЧК была ужасным кровавым монстром, питающимся человечиною. Ненависть противников большевизма была направлена, в первую очередь, против ВЧК. «Щит и меч» большевистской партии были, как видится, отнюдь не в «чистых руках», если на страницах профессиональной чекистской газеты выступил в годы гражданской войны какой-то провинциальный чекист с предложе-

³⁰ Шубин А. Анархистский социальный эксперимент...М.,1999. С. 146.

³¹ Красная книга ВЧК, т.1. М.,1989. С. 355. Истории известен, на удивление, такой же случай. В листовке Минской группы анархистов-коммунистов от октября 1906 г. «Что сказали перед смертью казнённые анархисты-коммунисты в Риге?» мы читаем последнее слово одного из них: «...Осип Левин, 16 лет, — ответил...: Из всех денег, экспропрированных нами у собственников на святое дело анархии, я не позволил себе тратить (сколько-нибудь) на штаны. Я умираю в старых штанах...». См.: Анархисты. Документы и материалы, т.1. М.,1999. С. 288.

нием о легализации, если можно так сказать, пыток, применяемых к белогвардейцам. Его, правда, из центра, публично пожурили, но вынесение такой дискуссии на страницы газеты о чём-то говорит. Неудивительно, что на первом месте в «чёрном списке» в записной книжке у К. Ковалевича стоял Дзержинский (Ленин стоял на четвёртом месте). Организация «железного Феликса» всех «достала», даже сами чекисты это признавали. Лацис в 1924 г. говорил: «Вы, может быть, помните, что в 1918 — 1919 году в некоторой части коммунистической партии относились к ВЧК и её местным органам не особенно доброжелательно, очень остро её критиковали и выдвигали даже предложения сокращения числа этих комиссий и ограничения их прав.»³²

Так вот, Пётр Соболев был знаком с некоей Катей, служившей в ЧК, через посредство некоей Бармаш, анархистам стал известен адрес общежития, в котором проживали секретные сотрудники ВЧК и МЧК.

Однако анархисты передумали и решили, что ЧК и Дзержинский — лишь орудие в руках РКП(б).

...25 сентября 1919 г. к 6 часам вечера в помещении Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, дом 18, собрались ответственные партработники Москвы, представители районов, агитаторы и пр. Ведущие партийные идеологи освещали, в первую очередь, вопрос о разгромленной накануне подпольной белой организации «Национальный центр», а во-вторую : вопрос о партшколах.

«Анархисты подполья» писали в листовке, что «вечером 25 сентября на собрании большевиков в МК обсуждался вопрос о мерах борьбы с бастующим народом...властители большевики все в один голос высказывались на заседании о принятии самых крайних мер для борьбы с восстающими рабочими, крестьянами, красноармейцами, анархистами и левыми эсерами вплоть до введения в Москве чрезвычайного положения с массовыми расстрелами». Арестованный подпольщик А. Барановский утверждал на допросе: «анархисты думали, что 25 сентября в МК обсуждался вопрос об эвакуации и сдаче Москвы».³³

Анархисты преувеличили значение собрания 25 сентября. Очевидно, что на заседании рассматривались такие злободневные вопросы, как денкинское наступление, активизация в связи с этим внутренней контрреволюции («Национальный центр») и борьба с ней и т. п., но сомнительно, чтобы большевики обсуждали методы борьбы с «восстающими...анархистами и левыми эсерами», специально выделив такой тандем из общей массы враждебных сил.

На собрании присутствовало около 100-150 человек. Доклад Н.И. Бухарина произвёл на публику тяжёлое впечатление: выяснилось, что в «Национальном центре» был коммунист. После докладов Е.А. Преображенского и М.Н. Покровского выступали «и пр.». Часть публики стала расходиться, в зале осталось человек 80. К 9 часам вечера слушали уже плохо, «в зале стоял гул как в пчельнике». Председательствующий Мясников в «довольно грубой форме привёл товарищей в порядок», но тут раздался удар, треск...

Это рукой Петра Соболева была брошена полуторапудовая бомба. Примерно, через 45 секунд произошёл мощный взрыв. Бомба была брошена через окно, со стороны

³² 25 сентября 1919 г. М., 1925. С. 36.

³³ Красная книга ВЧК.2-е изд. М.,1989. С. 377.

Большого Чернышевского переулка (во времена СССР — ул. Станкевича), от которого дом отделялся небольшим садом. Метатель бомбы знал как это сделать лучше. Дом оказался наполовину разрушен. Погибло 12 человек, в том числе секретарь МК РКП(б) — В.М. Загорский. Поскольку бомба упала в задние ряды, президиум пострадал меньше,³⁴ однако среди 55 человек, которые были ранены, оказались такие видные большевики как Н.И. Бухарин, А.Ф. Мясников, Ю.М. Стеклов, Н.П. Павлович, Ем. Ярославский и др.³⁵

В осуществлении теракта принимали прямое участие П. Соболев (руководитель), А. Барановский, М. Гречаников, Ф. Николаев и Я. Глазгон. Решение о взрыве было принято 25-го сентября днём, около 3-х часов, по предложению Доната Черепанова. В детали организации теракта все подпольщики, очевидно, не были посвящены. Решение было принято лидерами — Черепановым и Соболевым — экстренно, без обсуждения на общем собрании.

Донат Андреевич Черепанов («Черепок», как называли его анархисты) окончил юридический факультет и был оставлен при университете на кафедре уголовного права. Февральская революция застала его молодым и, по-видимому очень увлекла.³⁶ М. Н. Покровский вспоминал в 1924 году о том времени, когда Черепанов работал в Моссовете: «Я до сих пор не могу забыть, — как он пел вместе с нами «Интернационал», и голос его звучал громче других».³⁷ Другой выживший участник собрания 25 сентября, И. Борисов, говорил: «Как в жизни всё изменяется. Черепанов...однажды ночью вместе со мной дежурил в Исполнительном Комитете Совета, это было в тревожные дни корниловщины, и мы целую ночь с ним говорили о том, что какое бы между нами ни было расхождение, мы не будем стрелять друг в друга».³⁸

В 1920 г. Черепанов показал на допросе, что он совместно с Казимиром Ковалевичем организовал Всероссийский штаб революционных партизан, который главной целью своей наметил ряд террористических актов. «Эта организация, — говорил Черепанов, — и провела взрыв в Леонтьевском переулке. Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возложены на меня. В самом же метании бомбы я, по постановлению штаба, участия не принимал. Не будь этого постановления, я бы охотно принял на себя метание бомбы».³⁹

Становится понятным, почему бомбисты хорошо знали планировку дома №18 по Леонтьевскому переулку. Дело в том, что до июля 1918 г. здесь, в бывшем особняке графини Уваровой, располагался ЦК и МК ПЛСР.

«Анархисты подполья» провозглашали теракт в Леонтьевском началом «третьей революции». Концепция не нова. Не один десяток революционеров и до них пытались разжечь пожар революции путём убийства высших представителей власти. Все

³⁴ Загорский здесь — исключение: предания гласят, что он смело и спокойно пошёл в задние ряды разбираться с тем, что залетело в зал.

³⁵ По иронии судьбы Ю.М. Стеклов и Ем. Ярославский впоследствии занимались историей русского анархизма: Стеклов в 1920-е гг. занимался биографией М.А. Бакунина, а Ярославский в 1939 г. выпустил книгу «Анархизм в России».

³⁶ Алданов М. Ук. Соч. // «Огонёк», 1991, № 27, с. 16.

³⁷ 25 сентября 1919 г. Взрыв в Леонтьевском переулке. Под. Ред. Н.П. Милютиной. М., 1925. С. 26.

³⁸ 25 сентября 1919 г. Взрыв в Леонтьевском переулке. Под. Ред. Н.П. Милютиной. М., 1925. С. 101.

³⁹ Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1989. С. 377.

они считали террор важнейшим средством революционной борьбы. «Анархисты подполья» гордо заявляли о свершённом: «Это не убийство из-за угла, это не расстрел безоружных, это террор» (противопоставляя, таким образом, большевистский государственный террор своему, партизанскому).

В среде российских анархистов отношение к террору, как и отношение к экспроприации, не было однозначным. Согласно М.А. Бакунину, единичный террор должен был смениться эпохой коллективного террора, при этом анархический террор должен быть не политическим, но антигосударственным.

«В настоящее время, — писал А.А. Боровой в 1918 г., — ...анархизм высказывается решительно за акт коллективного террора» [как предпочтение индивидуальному — авт.].⁴⁰ С этой точки зрения можно рассматривать теракт «анархистов подполья» как проявление этого самого коллективного террора против власти (государства). Коллективного не в смысле борьбы группы лиц, задумавшей покушение, а в смысле борьбы угнетаемого народа с угнетающей властью. ВОАП считала себя представительницей повстанческого движения, таким образом её действия можно квалифицировать как коллективный террор. Если рассматривать теракт «анархистов подполья» с точки зрения борьбы в рамках гражданской войны, в рамках партизанской борьбы в тылу врага, то при определённом стечении обстоятельств их дело могло иметь успех (иной вопрос — стало бы оно прологом «третьей революции» или нет). Напомним, что в это время у Махно неплохо шли дела.

С другой стороны, взрыв 25 сентября был по своему характеру типичным «индивидуалистическим» актом «народовольцев» образца 1919 г.

В годы первой русской революции вопрос о терроре был водоразделом между разными анархистскими группами. С одной стороны были «хлебовольцы» — кропоткинцы, а с другой — «чернознаменцы» — сторонники безмотивного террора, по поводу которого известный анархист В.Фёдоров-Забрежнев замечал: «Само собою разумеется, что такого рода акты, как нападения на первого встречного буржуа или агента правительства, поджоги или взрывы кафе, театров и т. п., совершенно не являются логическим выводом из анархического мировоззрения, и объяснения их надо искать в психологии совершающих их».⁴¹

У «анархистов подполья» был мотивированный террор, однако психология взрывавших МК РКП(б) была близка психологии безмотивников первой русской революции, недаром в статье «Мы отмежёвываемся» подпольщики ставят себя рядом с безмотивными террористами.

Рассматривая взрыв в Леонтьевском переулке как теракт, имеющий характер «индивидуального», любопытно будет сравнить действия «анархистов подполья» со взглядами известного анархистского теоретика Алексея Борового на индивидуальный террор как таковой. По мнению А. Борового, индивидуальный террор, согласно воззрениям «традиционного анархизма», может иметь тройное значение: мщение, пропаганда и «изъятие из обращения».⁴² «Анархисты подполья» прямо заявляли, что взрыв МК РКП(б) есть акт мести. Взрывом анархисты хотели революционизировать

⁴⁰ Боровой А. Анархизм. М., 1918. С. 107.

⁴¹ Анархисты. Документы и материалы. Т.1. М., 1998. С. 252.

⁴² Боровой А. Анархизм. М., 1918. С. 114-115.

массы, толкнуть их на борьбу за анархию, а также хотели «изъять» верхушку РКП(б). При этом, индивидуальный террор, по мнению А. Борового, не может иметь успеха по ряду причин. Во-первых, индивидуальный акт — есть столько же доказательство силы, как и слабости. Этот акт — взрыв отчаяния, вопль бессилия перед сложившимся порядком. Верить в силу «бомбы», полагает Боровой, значит, извериться во всякой иной возможности действовать на людей и их политику.⁴³ «Анархисты подполья» как раз изверились в легальные методы, в условиях репрессивной политики новой власти и гражданской войны они верили лишь в силу «бомбы». Террористический акт, по мнению Борового, есть столько же акт «убийства», сколько и «самоубийства». «Этим актом нельзя создать «нового мира», можно лишь с честью покинуть «старый». И те, против кого направляются подобные акты, превосходно понимают их внутреннее бессилие. Они могут повредить, убить частное, конкретное, а иногда даже случайное выражение системы, но не в состоянии убить её «духа». Какое может быть дано лучшее доказательство непобедимости той власти, против которой единственно возможным средством оказывается «динамит»».⁴⁴

Член «активистской» Московской организации левых эсеров Тамара Азарьянц в письме 1919 года своим соратникам говорила о большевиках: «Надо им силу показать, надо страх смертельный на них нагнать»⁴⁵. А. Боровой писал ещё в 1918 г.: «Никогда ни бомба, ни динамит, ни вообще какие-то бы ни было насильственные средства в этом роде, не производили такого устрашающего впечатления на власть, чтобы она самоупразднилась под гипнозом страха». Боровой объяснял это тем, что, во-первых, «прерогативы власти настолько обольстительны ещё в глазах современного человечества, обладают такой огромной развращающей силой, что редкие относительно теракты не могут убить «психологии» власти.»⁴⁶ [А ведь «анархисты подполья» писали, что новую, как и старую, власть питают силой люди, служащие ей из-за различных привилегий.] Во-вторых: «...В отдельных случаях, когда носитель власти обладает личным мужеством, террористический акт сообщает ему новые силы, укрепляющие его личную «психологию»...»⁴⁷ «Практическая бесполезность террористических актов, — заверяет Боровой, — подтверждается ещё тем, что они обычно...усиливают государственно-полицейский гнёт⁴⁸...наконец, террористические акты, возведённые в систему, нецелесообразны потому, что они санкционируют то зло, против которого призваны бороться. Если вора невозможно исправить кражей у него, убийцу — убийством близкого ему человека, ибо подобными воздействиями воровство и убийство получают только лишнюю поддержку, то и террористическая политика правительства не может быть излечена или изменена

⁴³ Боровой А. Ук. соч. С. 114-115.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920). М., 1968. С. 314-315.

⁴⁶ Боровой А. Ук. соч. Сс. 114-115.

⁴⁷ Боровой А. Ук. соч. С. 114-115.

⁴⁸ Лацис, напомним, говорил, что в 1919 г. даже в некоторой части РКП(б) к ЧК относились скептически, но после взрыва чекисты получили поддержку «...от всех слоёв и организаций Москвы, вплоть до женщин, которые приглашали нас, чтобы разработать план, чем могут помочь женщины работе ВЧК». См.: 25 сентября 1919 г. М., 1925. С. 36.

террором...террор...сохраняет за собой значение лишь личного, «психологического» акта».⁴⁹

Взрыв МК РКП(б) был одним из крупнейших терактов, совершённых против большевистской партии. В 1918 г. такие теракты вызвали волну красного террора. Осенью 1919 г. рабочие некоторых московских предприятий тоже потребовали ответить на взрыв красным террором.⁵⁰ Рассмотрев вопрос о мерах борьбы с внутренней контрреволюцией, Пленум ЦК большевиков на заседании 26 сентября 1919 г. принял решение продолжать работу карательных органов Советской власти по обезвреживанию контрреволюции «в прежнем режиме». «Взрыв МК, — указывал ЦК РКП(б), — не должен отразиться на обычной деятельности ВЧК и ГубЧК». Советские историки подчёркивали, что необходимости в принятии чрезвычайных мер у Советской власти, достаточно крепкой, в это время уже не было.⁵¹ Однако некоторые «меры» всё же были приняты.

Во-первых, сразу после взрыва, по сведениям М. Алданова, чекисты расстреляли в подвалах ВЧК и МЧК несколько сот человек, среди которых были кадеты, старая аристократия, интеллигенция, служащие старого режима и пр.⁵²

Во-вторых. Анархисты писали в «Извещении» лишь о намерении большевиков ввести чрезвычайное положение, и Исполком Московского губернского совета вследствие события 25 сентября, действительно, объявил губернию на военном положении и учредил губернский ревком для «общего руководства борьбой с врагами революции». Для расследования событий 25 сентября по решению ВЧК, МЧК и Моссовета 27 сентября была создана специальная комиссия.

26 сентября председатель Комитета обороны Каменев официально сообщил о причастности ко взрыву белогвардейцев. 28 сентября Н. Бухарин в «Правде» обвинил во взрыве кадетов. 29 сентября на похоронах погибших при взрыве партийцев Л. Троцкий сказал, что виновник гибели его товарищей — белогвардейский центр. Впоследствии большевики так и не признали со всей полнотой, что белогвардейцы вообще не были причастны к взрыву. 6 ноября в «Правде» было написано, что взрыв был делом «анархо-деникинцев». Только в декабре 1919 г. в «Известиях» написали, что уваровский особняк взорвали левые эсеры и анархисты.

В советской историографии анархистам в деле взрыва МК РКП(б) порой отводилась третья роль. Идеолог большевизма М.Н. Покровский, например, говорил, что «анархисты подполья» приписали честь взрыва себе, что они «не могли придумать этой штуки...»⁵³ «Несчастные парнишки анархисты, которые были потом расстреляны — о мёртвых нехорошо говорить плохо, — но это была просто одураченная шпана, которой вскружили голову принципиальные враги большевизма и коммунизма для того, чтобы их использовать...Анархисты были рукой, левые эсеры были мозгом...»⁵⁴ Дальше больше: «Если внутри мелкой буржуазии одураченным элементом явились несчастные анархисты подполья, то внутри всего блока, двигавшегося против со-

⁴⁹ Боровой А. Ук. соч. С. 114-115.

⁵⁰ Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма...С. 337.

⁵¹ Это несмотря на то, что деникинцы были где-то около Тулы.

⁵² Алданов М. Ук. Соч. // «Огонёк», 1991, № 28, с. 31.

⁵³ 25 сентября 1919 г. Взрыв в Леонтьевском переулке. М., 1925. С. 27.

⁵⁴ 25 сентября 1919 г. Взрыв в Леонтьевском переулке. М., 1925. С. 27-28.

ветской власти, эту роль эту роль одураченных играла мелкая буржуазия в целом, со всеми её представителями левыми эсерами, меньшевиками и анархистами...25 сентября 1919 г...был окончательный провал у нас мелко-буржуазной демократии». ⁵⁵ Вот так Покровский в 1924 г. всех разложил по полочкам, не подозревая, что скоро в дураках окажется он сам.

После 25 сентября анархисты обещали, что за первым ударом последуют новые: «С большевиками мы ведём борьбу...пока власть не уничтожит нас или мы не уничтожим власть...». ⁵⁶

29 сентября «анархисты подполья» выпустили первый (100-й) номер газеты «Анархия». ⁵⁷ В начале октября вышла листовка «Медлить нельзя!» в количестве около 3000 экземпляров. Напечатанная в №1 «Анархии» «Декларация анархистов подполья» вышла и отдельной листовкой, обозначенной как «выпуск 4-й». В середине октября 1919 г. была выпущена листовка «Извещение», в которой «анархисты подполья» брали ответственность за взрыв на себя. 23 октября вышел №2 (101) «Анархии» тиражом около 3000 экземпляров. «Извещение», «Декларация», №1 и №2 «Анархии» были напечатаны в подпольной типографии в Красково.

Заметим, что в это время, 20 октября 1919 г., Реввоенсоветом Повстанческой армии Махно была принята Декларация, которая гласила: «Развёртывающееся ныне народное повстанческое движение на Украине (махновщина) является началом великой третьей революции, стремящейся к окончательному раскрепощению трудящихся от всякого гнёта и власти капитала, как частного, так и государственного...Решительное столкновение между идеей вольной, безвластной организации и идеей государственной власти — монархической ли, коммунистической, или буржуазно-демократической — становится, таким образом, неизбежным». ⁵⁸

По такому делу московские партизаны и готовили очередной сюрприз ко 2-й годовщине Октября. Диверсию предполагалось осуществить либо во время праздничных торжеств на Красной площади, либо в самом Кремле.

Согласно показаниям А. Розанова, Пётр Соболев предполагал организовать взрыв Кремля и прилагал все усилия к тому, чтобы достать необходимые, по его расчётам, для этой цели 60 пудов пироксилина. Пироксилин дважды привозил по подложным документам в отдельном вагоне, специально ездивший за ним в Брянск Вася Азаров. Эта непростая операция удалось, видимо, потому, что К. Ковалевич работал на Московско-Курской железной дороге или имел там связи, по крайней мере. Во второй раз вагон в дороге охраняли, кстати, два брянских анархиста, под видом красноармейцев. После взрыва 25 сентября В. Азаров ездил за взрывчаткой в Нижний Новгород. Немалое количество взрывчатки анархисты хранили на складе в Одинцово. Такого количества должно было хватить на очень громкий взрыв.

Для успешного проведения подрывной работы подпольщики вели разведку. Чекист Лацис говорил, что П. Соболев осматривал кремлёвские водосточные трубы, чтобы выяснить, нельзя ли пролезть по ним и взорвать Кремль. ⁵⁹ По сообщению

⁵⁵ 25 сентября 1919 г. Взрыв в Леонтьевском переулке. М., 1925. С. 29-30.

⁵⁶ Цитируется по: Голованов В. Ук. соч. С. 120-121.

⁵⁷ Газета с таким названием издавалась ранее Московской федерацией анархических групп.

⁵⁸ Голованов В. Ук. соч. С. 242.

⁵⁹ 25 сентября 1919 г. Взрыв в Леонтьевском переулке. М., 1925. С. 34.

того же А. Розанова, Пётр Соболев имел знакомство с кем-то в Кремле. По мнению историка В.А. Клименко, «анархисты подполья» хотели взорвать здание СНК, для чего пытались проникнуть в Кремль, изучали распорядок дня и места проведения правительственных заседаний.⁶⁰ Т. Гладков в своей книге «Взрыв в Леонтьевском» пишет, что Соболев и Глазгон изучали подземные коммуникации под Кремлём, и им удалось даже заложить какое-то количество взрывчатки.⁶¹ Однако планам сбыться не удалось...

ЧК «накрыла» организацию до ноябрьских торжеств. Большинство подпольщиков было арестовано или убито.

Документы «Красной книги ВЧК» свидетельствуют, что из арестованных раскаялось 4 подпольщика (если не считать А. Розанова, покойного письма или такого же протокола допроса которого нет, но он дал обширные показания).

А. Барановский, например, говорил: «...Взрыв был нашей ошибкой...был произведён преждевременно. Возможно, что в дальнейшем, после разгрома Деникина, было бы достигнуто соглашение между Махно и большевиками и необходимость террористической борьбы против большевиков с нашей стороны вообще отпала бы. В Октябрьскую годовщину не было решения устроить покушения, были лишь одни разговоры об этом, и неизвестно ещё, кто провёл бы свою линию — противники террора сейчас или его сторонники. Взрывчатые материалы свозились в Москву для устройства базы на тот случай, если бы большевики стали применять свою прежнюю тактику по отношению к Махно и повстанцам».⁶²

М. Тямин написал «Открытое письмо к анархистам подполья всех городов России», где уверял их в ошибочности тактики террора, уверял, что большевики, на самом деле, являются истинными выразителями интересов рабочих и крестьян и т. п. Кроме этого Тямин написал зампреду МЧК В.Н. Манцеву письмо, где уверял чекиста в искренности своего раскаяния, уверял, что «анархисты подполья» честные, но «заблудшие» революционеры, которые «верили в возможность восстания», которым «больше удовольствия доставляло (как они выражались) «бесить большевиков», чувствовать, что они неуловимы...».⁶³ Тямин предлагал не расстреливать арестованных подпольщиков, а освободить их под честное слово, которое они, «как настоящие революционеры», сдержат. Акт освобождения, писал Тямин, имел бы «громадное моральное значение...в глазах рабочих, красноармейцев и тех же махновцев...», которым «этот акт...даст новое понятие о партии большевиков».⁶⁴ Тямин предлагал использовать освобождённых анархистов как боевиков в борьбе против белогвардейцев. В качестве прецедента раскаявшийся анархист приводил историю с казаком Филиппом Мироновым.⁶⁵ И действительно, Ф.(Н.) Николаев и А. Домбров-

⁶⁰ Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве...М.,1978. С. 164.

⁶¹ Дзержинский у Гладкова мудро догадывается, что анархисты хотят взорвать Кремль, а сделать это можно сделать либо с воздуха, либо из-под земли. В каком-то из советских фильмов обыгрывается версия с неудавшимся захватом анархистами Тушинского аэродрома для бомбёжки Кремля, но знакомый с кгбэшными материалами дела о взрыве в Леонтьевском, Т.К. Гладков лично уверял нас, что изложенный им в книге сюжет с закладкой динамита под Кремль достоверен.

⁶² Красная книга ВЧК, т.1. М.,1989. С. 378.

⁶³ Там же, с. 352.

⁶⁴ Красная книга ВЧК, т.1. Сс. 355,356.

⁶⁵ В августе 1919 г. командир сформированного Донского казачьего кавалерийского корпуса Ф.К.

ский, находясь в застенках МЧК, предлагали послать их на фронт, но их не послушали и...расстреляли.

В конце октября, нарвавшись на засаду в конспиративной квартире на Арбате 30\58, погиб при аресте Казимир Ковалевич.

4 ноября, придя на конспиративную квартиру в Гнездниковском переулке, попал в засаду Пётр Соболев и также был застрелен во время погони.

Ночью 5 ноября чекисты окружили дачу в Красково. Для живших там анархистов это был, воистину, «последний и решительный бой»: после трёхчасовой осады оборонявшийся дом взорвался, буквально, взлетев на воздух (видимо, там был большой арсенал). По словам П. Макинциана, анархисты взорвали себя сами.⁶⁶ Однако причиной взрыва вполне могла быть и шальная пуля.

«Дача взлетела на воздух. Её жильцы умерли как должно. Конец анархистов подполья...выигрывает от сравнения с неизменными бойнями в подвалах ГПУ...».⁶⁷ На даче погибли: Яков Глаззон, Вася Азов, Митя Хорьков, Захар Хромой (возможно, он же — «Кривой», о пребывании которого на даче свидетельствует Барановский), девушки Мина и Таня Дедикова. Достоверные сведения о погибших на даче анархистах мы имеем благодаря тому, что А. Барановский за несколько минут до начала боя с чекистами вышел из дома по нужде. Увидев крадущихся чекистов, Барановский дал дёру в город, но там также нарвался на засаду и был арестован.

Из арестованных подпольщиков восемь человек были расстреляны по приговору МЧК: 1) М. Гречаников; 2) Х. Цинципер⁶⁸; 3) А. Барановский (Попов); 4) А. Домбровский; 5) А. Восходов; 6) Ф.(Н.) Николаев; 7) П. Исаев и 8) Л. Хлебныйский (И. Приходько). Арестованные М. Тямин и А. Розанов расстрела избежали (в 1919 г., по крайней мере). После ареста они дали обширные показания. А. Розанов выдал феноменальное количество фамилий, адресов и разных подробностей, обещал назвать «при гарантии» до 100 адресов видных левых эсеров и анархистов, предлагал свои услуги в качестве провокатора.

Кроме вышеназванных, была арестована член КАОУ «Набат» Софья Каплун, возможно, была задержана Хая Соколовская (она же — Анна Соколовская, Рахиль Энфельбаум), подверглись арестам московские легальные анархисты, а также эсеры-максималисты, среди которых: Сундуков («был взят у Тарасова...входил в организацию анархистов подполья...»⁶⁹), Прохоров (Евстифиев), Тарасов («организационной связи с анархистами подполья не имел, но знал про организацию, оказывал мел-

Миронов отказался выполнить приказ РВС Республики и вопреки запрещению командования направил подчинённые ему части на фронт для борьбы с белогвардейцами. Войска Миронова были окружены и разоружены, а он сам в октябре был приговорён Ревтрибуналом к расстрелу. ВЦИК, учитывая боевые заслуги Миронова, помиловал его. Вскоре обвинение в контрреволюционном мятеже было снято с Миронова. В сентябре — декабре 1920 г. на основании ложных обвинений Миронов был арестован. Скончался во время следствия. Впоследствии был реабилитирован.— Примечание «Красной книги ВЧК», т.1, стр. 355.

⁶⁶ Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1989. С. 345.

⁶⁷ Алданов М. Ук. Соч. // «Огонёк», 1991, № 28, с. 31.

⁶⁸ Его показаний, что интересно, нет в «Красной книге ВЧК», хотя показания всех остальных из этого списка расстрелянных есть.

⁶⁹ Красная книга ВЧК. Т.1. М., 1989. С. 372.

кие услуги, например давал квартиры и пр.»⁷⁰), Романенко (известно, что он был дезертиром и состоял в боевой дружине максималистов) и другие. Были арестованы левые эсеры Семиколенный (Аршинный), Е. Хохлов (Голубков) и др.

Д.А. Черепанов был арестован чекистами лишь 17 февраля 1920 г. (в речи 1924 года Лацис сказал, что Черепанов скрывался с сентября 1919 ещё год⁷¹) В день поимки его допрашивал Дзержинский & С. Черепанов отвечал: «Об одном я сожалею: при аресте меня схватили сзади, и я не успел пристрелить ваших агентов».⁷² Есть разные сведения о судьбе Черепанова после ареста. В «Красной книге ВЧК» о его судьбе не говорится ничего. По одной версии Черепанов был расстрелян, по другой — был сослан в Сибирь и там умер от тифа (эту версию распространял Лацис). М. Алданов, «из весьма осведомлённых источников слышал, что» Черепанов был казнён: «...Как могли в СССР не казнить человека, который был...организаторгом взрыва в Леонтьевском переулке, да ещё вдобавок давал показания в указанном выше роде?» По версии Р. Гуля, Черепанов был удушен в тюремной камере чекистами, вместе с Черепановым была арестована его возлюбленная — террористка Тамара Гаспарьян [очевидно, левая эсерка Тамара Азарьянц — авт.], её постигла такая же судьба.⁷³

На этом можно закончить историю «анархистов подполья» — «бескорыстных грабителей и гуманно настроенных убийц».⁷⁴

⁷⁰ Там же.

⁷¹ 25 сентября 1919 г. М., 1925. С. 36-37.

⁷² Там же, с. 400.

⁷³ Гуль Р. Дзержинский (начало террора).// Российский летописец. Москва, 1991. С. 40-42.

⁷⁴ Алданов М. Ук. Соч. // «Огонёк», 1991, № 28, с. 31.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Сергей Быковский
«Анархисты подполья»

Скопировано 2017-12-17 с
<http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/ap.htm>

ru.theanarchistlibrary.org